

Дневник бабушки:

*инструкция
по взрослению*

—> Часть 1 <—

*Главное —
быть добрым
человеком.
Остальное —
приложится.*

Екатерина Трушникова

Екатерина Трушникова

Дневник бабушки: инструкция по взрослению Часть 1

<https://litres.ru/74098118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пожилая женщина за чаем пишет воспоминания внукам, начиная с собственного рождения. Это не просто мемуары, а шестидесятилетний «разбор полётов». Память беспощадна, особенно когда она была не права. Сможет ли она принять себя?

Детский сад — первая зависть, школа — подруги-соперницы из-за мальчика. Теперь понимает: родительские запреты — лишь страх за позднего ребёнка.

В студенчестве встречает мужа, увидевшего в ней целый мир. Замужество, рождение сыновей — центр хроники: счастье и усталость, материнство как крест с улыбкой.

Кульминация — рождение долгожданной дочери, символ нежности и начало конца молодости. В финале героиня осознаёт: все «ошибки» были единственным путём. Она мирится с молодостью, прощая поспешность. Не надо ничего исправлять. Приняв себя, впервые чувствует лёгкость. Чай остыл — на душе тепло.

Екатерина Трушникова
Дневник бабушки:
инструкция по
взрослению Часть 1

Глава 1. От 0 до 10

Кухня всегда служила ей кабинетом. Не потому, что в зале они с мужем вечно друг другу мешают – нет. Просто здесь, между мерным басом холодильника и запахом чабреца из чашки, мысли ложились на клавиши ровнее.

Десять лет назад, увлѣкшись генеалогией, она в очередной раз убедилась: сухие даты и имена из архивов – лишь скелет. Мышцы и кожу дают только рассказы живых. Вот почему сейчас, сидя на кухне, она вплетала яркие нити хроники в семейное древо – чтобы внуки не спотыкались о белые пятна там, где когда-то стучали живые сердца.

«Я родилась через 13 лет после Победы в начале декабря. Имя выбирали из двух возможных: или папиной мамы, или маминой. Победил, как всегда, мужчина. Мой выход в светлый мир задержался на целых две недели, наверное, не хотела покидать тёплое насиженное место. Но врачи так не считали и пытались вытащить упрямицу наружу. С тех пор на моём затылке осталась отметина – шрам, который приходилось маскировать пробором, когда мама заплетала две косички в школу.

Себя в раннем детстве знаю только по фотографиям. На одной полугодовалая малышка с круглыми от удивления глазами, с перевязочками на голых ногах, в нарядном платье сидит на стуле. Платье белое в тёмный горох с кокеткой и во-

ланами по горловине и подолу. Есть ещё одна любимая, где мне года два. Выгляжу настоящей пацанкой: из-под юбочки спускаются наперегонки рейтузы, чулки собрались гармошкой, воротник тёплого свитера съехал набок. Выражение лица при таком наряде самое ангельское, как и сложенные ладошки.

Мои родители снимали комнатуху в частном секторе, но через год после пополнения в семье папе от работы дали большую комнату в коммунальной квартире под крышей трёхэтажного дома, который строили пленные немцы.

Воспоминания как короткие вспышки молнии перед глазами. Вот в комнате у входной двери на деревянном сундуке лежит женщина и дрыгает ногами, словно перевёрнутая букашка. Теперь я знаю, что так защищалась мама от папы, когда они ругались.

Вот встаю на край выдвижного ящика шкафа, чтобы достать мамину помаду с верхней полки и, не удержавшись, падаю на пол. Две недели в белых валенках прыгаю по комнате на здоровой ноге, потому что на подвёрнутой – больно.

Вот я аккуратно вырезаю для куклы плотный квадратный лоскуток из маминых новых голубых рейтуз, которые нашла внизу шифоньера.

Вот мечусь в жару на раскладушке со свинкой, пытаюсь выбраться из духоты ватного детского одеяла, которым накрывает меня мама в машине скорой помощи. Это чувство детского бессилия и страх задохнуться остались на долгие

годы, пока мама не объяснила, что так защищала слабый организм дочери от заразы.

После паротита я заболела менингитом и попала с мамой в инфекционное отделение больницы, где родилась. Папа передал мой любимый томатный сок, а я, не дожидаясь пока он согреется, залпом выпила полный стакан и неожиданно пошла на поправку.

Вот прижимаю к худенькой детской груди гуттаперчевую куклу Арину и представляю, что кормлю. Чувствую холод гуттаперчи и неловкость до мурашек, хотя в комнате никого нет.

До трёх лет со мной дома сидела сначала мама, потом папина сестра, которую он вызвал из деревни. Так у меня появилась «мама Таня». После года работы методистом в детском саду, мама определила туда же и меня. Ходили на работу пешком мимо клуба трамвайного парка или по-народному «Трампарк». Чуть дальше «Трампарка» иногда встречали вереницу одинаково одетых малышей, которые шли гуськом, держась за полы одежды впереди идущего. Вид напротив не скрашивал унылого впечатления: полуразрушенный забор колхозного рынка, переходящий в пустырь с бурьяном. Стоило пройти неприглядную середину пути, чтобы оказаться в садике им. Саше Филиппова, где с весны до поздней осени работал прокат машинок и лошадок для детворы. Здесь же была вторая остановка маршрута трамвая и мой садик.

Недалеко от садика на пригорке стояло ясельное здание,

но я уже выросла из младенцев, поэтому попала сразу в младшую группу.

Надо мной – домашней и стеснительной – взяла шефство девочка небольшого роста, крепкого телосложения, бойкая, с хитрым прищуром карих глаз. Я так оторопела от её напора, что сначала называла не по имени, а «тётя». Галя, так звали мою верную подружку, стала проводником в детсадовской жизни. Конечно, потом были и другие подруги, но первое впечатление самое сильное и запоминающееся. Маму перевели из методистов в воспитатели нашей группы. Поставили в смену с опытной Анной Михайловной.

Дома я ела плохо, а в садике сметала всё, что давали. Со всем не хотелось, чтобы нянечка вылиwała что-то за шиворот. Рыбий жир, который полагался перед обедом, беспрекословно набирала в рот и сглатывала лишь с ложкой супа, чтобы не ощущать противный вкус. Компот из сухофруктов служил настоящим лакомством, а, если в чашку случайно попадали груши, то это считалось большим везением. От младшей группы на память осталась цветная фотография в шарике. На ней девочка со стрижкой каре в шерстяном оранжевом платье с мишкой в руках. Платье, как и причёска, – маминых рук дело.

В средней группе полюбила, когда на ужин в тарелку с гречневой кашей половником наливали кипячёное молоко с пенкой. Ещё завидовала тем детям, кто оставался в саду на ночь. Спальня «ночной группы» помещалась в зале для

утренников. Стекланные верхние створки дверей закрыты белыми занавесками, что только усиливало интерес. Выделение слюны вызывал рассказ о ржанных горбушках, натёртых чесноком с солью, которыми угощала воспитанников ночная нянечка в синем халате. Статус позднего и единственного ребёнка не давал мне никаких шансов на это приключение.

В нашей старшей детсадовской группе бушевали любовные страсти. Все девочки сохли по Костику – худенькому, невысокому, курносому мальчику, с вихром волос вместо чёлки. А он со своей большой харизмой «бегал» только за Ирой – дочкой маминой сменщицы. Она, как и я, имела статус «поздней и единственной», но на этом сходство кончалось. Для своего папы Ира стала младшей и любимой дочерью в его третьем и последнем браке. Девочка пошла в отца: высокая, кареглазая, симпатичная. Кроме того, она прошла горнило яслей, закалилась и была не по годам активной и смелой. Ирина пользовалась авторитетом у ровесников, и у воспитателей. На зимних утренниках она играла Снегурочку. Лишь однажды, когда Ира болела, роль досталась мне. Гордость жгла изнутри огнём и вырывалась наружу – хоть прикуривай. Моя вторая мечта сбылась. Первая – танцевать гопак в красивом украинском костюме, мягких красных сапогах и венке с яркими лентами – сбылась ещё в старшей группе.

Как и многие девочки, я тайно завидовала Ириному успеху у Костика. Они часто уединялись в «тёмной», где храни-

лись скатанные постели в ячейках, и стояли сложенные раскладушки для дневного сна. Отдельных спален тогда не было, поэтому нянечка расставляла высокие и низкие складные лежаки в игровой части группы. Мне нравилось спать повыше, откуда можно невзначай опустить руку соседу на раскладушке пониже. Этот сценарий вечно крутился в голове, но так и остался в мечтах.

Вход в кладовую закрывали до пола драповые шторы с маленькими дырочками-глазками. К самой удобной из них выстраивалась девчачья очередь из любопытных и страдающих. За порядком следила девочка, которая часто оставалась в ночной группе и пользовалась доверием Иры. Она знала слова модной песни о любви и напевала: «Пароход белый-беленький, чёрный дым над трубой. Мы по палубе бегали – целовались с тобой». Я вставала в очередь на подглядывание, но ничего не видела из-за темноты.

Но я, всё-таки, дождалась своего триумфа. Как-то вечером, когда большинство детей уже разобрали, Костик начал бегать за мной между столами по группе. Страшно было, что догонит, и я истерически смеялась от радости.

Когда одна семья соседей уехала, мы заняли их площадь. Оставшаяся семья с двумя детьми жила в смежных комнатах с балконами. У нас получились две отдельные. Меньшая по размеру с восточной стороны стала папиным кабинетом. Туда перенесли коричневый дерматиновый диван с высокой спинкой и откидными валиками по бокам, письмен-

ный стол, китайскую розу в кадке, радиолу «Минск-58» и мою детскую кроватку. Большая прохладная комната с никелированной кроватью родителей под шёлковым покрывалом, увенчанного стопкой подушек, шифоньером и круглым столом превратилась в зал. Здесь по праздникам собиралась шумная компания. Папины друзья приносили переносной проигрыватель. Соседей тоже звали. Дядя Ваня трудился на заводе слесарем, его жена, тётя Клава, работала на Главпочтамте, в киоске. Они воспитывали сына Шурика и дочку Лену. Весной, когда сходило половодье, мы переезжали на речном трамвайчике на противоположный берег. Взрослые и дети играли в волейбол, бадминтон, вышибалы, собирали ландыши в лесу и дикий щавель на лугу. Какой вкусной казалась окрошка из ломтиков картошки, молодой редиски, яиц и зелёного лука, которую заливали сладковатым бочковым квасом из бидона. Для пикантности добавляли кусочки вяленой рыбы или варёной колбасы.

Хотя наши семьи имели разный статус и доход, тётя Клава, ловко используя кредиты, раньше нас сменила старую мебель на модную полированную и купила телевизор. Мой папа не признавал кредитов, поэтому купил мне на день рождения подростковый фотоаппарат «Смена-8». Сначала я расстроилась, но потом обрадовалась: наконец, буду пользоваться чудо-прибором в коричневом блестящем кожаном чехле. У папы он всегда болтался на шее для удобства во время фотографирования. Он ответственно и серьёзно отно-

сился к каждому своему увлечению. Для занятия фотосъёмкой, например, купил кучу принадлежностей: от аппарата для распечатки фотографий до устройства для просмотра негативов. Надежды иметь красивый приборчик рухнули, когда папа достал бумажный аналог для начинающих, по которому он и обучал. Зато, в старшей школе я сама проявляла плёнку, печатала фото подружки под красной лампой и даже глянцевала.

Первое собеседование я проходила в семь лет с хвостиком при зачислении в одну из престижных школ. Мой папа, который везде учился только на пятёрки, возлагал большие надежды на свою дочь. Так в старшей группе он сам учил меня читать по букварю с картинками. Слоги я уже усвоила, настала очередь слов.

Сию в зале за круглым столом передо мной раскрыт букварь. Отчётливо помню картинку: украинская хата с соломенной крышей, плетень и пара быков в упряжке, чуть ниже – красивые ярко-жёлтые бусы. Под каждым рисунком своя подпись – бы-ки и бу-сы. Папа еле сдерживаясь в сотый раз спрашивает: «Какой первый слог?» Я читаю: «Бы». Буря миновала. Второй тоже называю правильно: «Ки». Папа одобрительно кивает и осторожно интересуется: «Что вместе получилось?» Тут меня словно замыкает и я уверенно выдаю: «Бусы». Благодаря папиной целеустремлённости читать я научилась бегло для своего возраста.

После выпуска из садика родители выбрали школу с ан-

глийским уклоном. В комнате, куда приглашали детей с родителями, за длинным столом сидела приёмная комиссия из тёть и толстого лысого дяди. Мама присела на стул, а я прошла одна к столу, чтобы ответить на вопросы. Точность ответов влияла на выбор буквы класса. Следом проверяли чтение. Коленки дрожали от страха, но читала без запинки. По результатам проверки я прошла в «А».

Родители первого класса «А» очень заботились о будущем своих чад. Они уговорили Зинаиду Никаноровну не уходить на пенсию ещё 4 года. Для меня моя первая учительница – классический образ. Синий строгий костюм с белой блузкой и чёрным бантиком в тон шиньона, уложенного в косу. Над ушами волосяные завитушки-завлекалки, которые смешно пружинили, когда она сердилась. Остроносые туфли на каблуке-шпильке органично завершали противоречивый характер аса начальной школы.

У Зинаиды Никаноровны был свой проверенный способ установить дисциплину в классе. На уроках это – огромная самодельная деревянная указка. Фабричные не выдерживали её энергетике – ломались. После перемены до входа в класс она командным голосом строила нас в шеренгу, и мы нарезали круги по рекреации вокруг кадки с пальмой. Шагали в затылок под ритм каблука и команды: «Левый, левый! Раз, два, три!» Остальные два класса – уже за партами, а мы всё ещё «успокаиваемся» в коридоре. Если вдруг в полной тишине послышится шёпот или вздох облегчения, то для

учителя это – сигнал начать новый круг. Муштра – ничто по сравнению с её фантазией. Так вместо «пятёрок» на тетради штамповала красные звёздочки с серпом и молотом по центру. На новогодние праздники подарки получали не в кулках, а в матрёшке, сарафан которой натягивался на литровую банку из папье-маше или в большом оранжевом колпаке-морковке из листа ватмана.

Три года с гордостью чеканила шаг на конкурсе строевой песни «Бескозырка белая, в полоску воротник » в первом ряду с конца. Во втором классе мы всем составом ходили на танцы в клуб водников. Это было старенькое деревянное здание с кинозалом, гардеробом и удобствами на улице. Внутри этих удобств прошло очное знакомство с нецензурной лексикой, которую на стене написала чья-то заботливая рука. Шёпотом на ухо передавали тогда девочки друг другу впечатления от прочитанного.

После третьего класса на летних каникулах ездила на стадион «Спартак» для занятий в бассейне-лягушатнике. Обещали освоение стиля кроль за три месяца. Я уже барахталась по-собачьи, но научиться кролю – это всё равно, что сблизить город и деревню. К августу детей в секции обучили движениям рук и дыханию по отдельности, а мне срочно захотелось в пионерский лагерь от папиного института, где я ни разу не была. Немного помучилась сомнениями и бросила уроки плавания ради поездки.

Папа работал в институте, который разрабатывал нефтя-

ное месторождение в области. К сборам я подошла ответственно: уложила вещи в маленький папин командировочный чемодан и взяла сухой паёк в дорогу. Протрясло всех ещё на полпути. «Синичка», как называли меня за удобу, в миг склевала бутерброды с колбасой. Дефицитную Московскую полукопченую мама покупала, выстояв огромную очередь в гастрономе. В автобусе познакомилась с двумя сёстрами-погодками, с которыми попала в один отряд. Вожатой нашего пионерского месяца была молодая девушка Оля.

Начались лагерные будни. С энтузиазмом новичка я вошла во все мероприятия сразу: от конкурса чтецов до конкурса на лучший рисунок. Снова пошли лавры за стих о Ленине и портрет сутулого Бармалея.

Как-то раз Оля повела наш отряд в поход. По дороге набрели на дикие яблони. Все налетели, как саранча, на плодовые деревья. Предупреждения вожатой мы пропускали мимо ушей. Последствия набега на дички вскоре дали о себе знать. Живот прихватывало не в то время и не в том месте. Несколько раз неприятности с ускоренным метаболизмом случались в туалете.

Грязные трусы я аккуратно сворачивала и укладывала на дно чемодана. Моё признание перед вожатой решило бы проблему, но страх оказаться не в фаворе победил. По наивности я тогда не знала про тайну, которая становится явной.

Однажды живот скрутило ночью, когда все спали. В крошечной темноте деревянного барака я добежала до выхода и

второпях не могла найти дверной крючок. Неладное почувствовала внизу. Столько позора свалилось за моё десятилетие впервые.

В корпусе отряда из всех девочек выделялась одна – старшая сестра нашей ровесницы. У неё начался уже пубертат с физиологическими признаками. Королева Шантеклера, как мы её называли между собой, в тихий час вставала на кровати и спускала трусы. Так она показывала малявкам, кто здесь главный. Активность выскочки, которую хвалят, особенно раздражала, и она не чаяла как-нибудь насолить мне.

На следующий день ко мне подошла вожатая и велела показать чемодан. Я приоткрыла крышку, и нос скривился от кислого противного запаха. Рядом стояла довольная Шантеклера и смеялась. Оля ровным голосом отправила меня с грязным бельём в умывальник, а ябеду строго отчитала.

Умывальник – это длинный ряд подвесных рукомойников с общим жёлобом для слива и крышей на случай дождя. Я старательно, как учила мама, тёрла ржавые пятна на трусах. Вместо пятен стиралась кожа на костяшках пальцев. Вода из рукомойника смешивалась со слезами облегчения, что всё закончилось. В лагерь с тех пор я не ездила.

Глава 2. До 18 весны.

В коммуналке старших братьев и сестёр мне заменяла соседская дочка. Лена родилась на три года и восемь месяцев раньше меня. Она была младшей в своей семье. Светло-русые густые волосы заплетены в две косы, на лбу – пышная чёлка. Глаза не распахнутые, но красивые, серо-зелёного цвета, в плотном обрамлении ресниц. Курносый нос в веснушках и улыбочивые губы придавали бесшабашность её образу.

Шикарные косы быстро отрезала тётя Клава, да ещё и присыпала дустом, когда нашла вшей в голове дочери после бассейна. Тогда я тоже заразилась ими. Моя мама пошла другим путём: вычёсывала насекомых при каждом мытье волос. Лена уже ходила в школу, а я только собиралась, поэтому отращивала косу по маминому хотению.

В школе в то время было два выпускных класса – 8-й и 10-й. Неоконченное среднее давало возможность получить профессию в училище или техникуме, а 10-й класс – поступить в институт. Лена училась средне, поэтому ушла в кулинарное училище. У неё началась взрослая жизнь, а я стала её верным Санчо Пансой.

Я с восхищением глазела, как она ловко наводила стрелки и разъединяла покрашенные ресницы ювелирно заточенной спичкой. Подготовка начиналась именно с этой спичеч-

ной пики. Чем тоньше острйё, тем изящнее выглядит стрелка. Процесс требовал терпения и спокойствия, чего у Лены хватало с избытком. После она разбавляла жидкостью тушь в коробке. По инструкции это была вода, которая в форс-мажорных обстоятельствах превращалась в слюну. Пластиковая щёточка погружалась в чёрное густое месиво, и взмахом руки тушь снайперски наносилась на ресницы. В бой за красоту строя вступала подготовленная спичка для разделения особо слипшихся волосинок. Если бы в то время были социальные сети, Лена давала бы мастер-класс по макияжу. Потом эти визуальные уроки мнегодились в старших классах. Виртуозности я так и не достигла, помешала торопливость и недостаток практики.

Когда я перешла в пятый класс, школа переехала в современное трёхэтажное здание, недалеко от моего дома, на улицу ближе к Волге, Пугачёвскую. Теперь можно было дойти за 10 минут небыстрым шагом.

Слава хорошего чтеца наступала на пятки и меня часто включали в торжественные мероприятия. Так было и на открытии городского театра юного зрителя, где группа пионеров читала поздравления в стихах. Эйфория зашкаливала: не каждому поручат выступить перед зрительным залом с большой сцены. Выхожу довольная за кулисы и натыкаюсь на режущий, как осколок стекла, взгляд «лысого дяденьки». Он хватает меня за руку и шипит. Оказывается, в порыве самолюбования я отбарабанила свой текст и высунула язык.

Как такое случилось, до сих пор не знаю, но гордыни поубавилось, точно, после встряски директора.

Нашим классным руководителем назначили молодую, немногим за 30, учительницу математики, которая вышла из декрета. Юлия Леонидовна, как человек математического склада, любила чёткость и порядок. Всю скопившуюся педагогическую энергию расписала по плану и направила на создание крепкого во всех отношениях детского коллектива.

Самым обидным словом, которое я слышала от неё, было «идиоты». Обычно Юлия Леонидовна вставала между рядами, опиралась костяшками пальцев на противоположные парты и начинала отчитывать ровным голосом. Хотелось съёжиться и исчезнуть от холодного язвительного тона. Математику я любила и учила, но боялась, когда повышали голос. Видимо, сказались папины ежедневные проверки уроков. Чтобы избежать очередной выговор за невнимательность, я шла зимой навстречу маме по тёмной дороге. Несмотря на жуткую трусость, выбирала из двух зол меньшее.

Однажды уверенная, что справилась без ошибок, я оставила гуттаперчевую фигурку мальчика на книжном шкафу. На самом деле подставила его под смертельный приговор. Папа нашёл неточность, здорово рассердился, схватил куклу и швырнул на пол. Бедный мальчик погиб – разлетелся на кусочки. Мне пришлось омыwać его останки слезами. После этого случая, я стала встречать маму после второй смены.

Пионерский отряд 5 «А» класса носил имя испанского лётчика Рубена Ибаррури. Девиз звучал, как угроза: «Не знаешь — научим! Не хочешь — заставим! Позорить отряд никому не дадим! » В начальной школе я уже побывала командиром октябрятской звёздочки, руководила пятью одноклассниками. Меня выбрали на классном часе председателем Совета отряда, куда входили 3 звеньевые. Раз в неделю я ходила на заседание Совета дружины – пионерскую элиту школы. Там каждый председатель получал задание написать план работы на месяц, а потом обязательно сдать отчёт о выполнении. Вот где нашлась благодатная почва для расцвета моих творческих способностей. Я цветными карандашами разукрашивала титульный альбомный лист, клеила аппликации по теме липовых мероприятий. Талант к сочинительству опережал по качеству оформительский, быстро расправил крылья и успешно поддерживал меня три года.

Как всякий порядочный отряд, мы завели нестандартных размеров альбом в дерматиновом коричневом переплёте. В развёрнутом виде он занимал весь школьный стол. Сюда писали о значимых событиях в классе. Своего рода летопись. За оформление отвечала редколлегия из трёх человек. Две девочки, которые красиво рисовали принцесс, и один мальчик с другом для гендерного равновесия.

Пионерская жизнь совсем не мешала Амуру пускать свои стрелы. В начальной школе симпатия сводилась к дёрганию кос и щипкам впереди сидящих за партами одноклассниц.

В средней появились другие методики обольщения. Так начало созревания у мальчиков привело к повальному увлечению фотографией. Фотографировал каждый третий. Чаше исподтишка, когда предмет симпатии даже не подозревал. Качество таких снимков, конечно, не студийное, но запечатлённые моментыгодились для ведения летописи.

С энтузиазмом мы, девочки, готовились к праздникам внутри класса. До общешкольных вечеров мы ещё не доросли. Придумывали развлекательную программу. Всем нравились игры «ручеек» и «стулья». Уверена, что не только девочки, но и мальчики с нетерпением ожидали начало игры. Стулья расставляли по кругу, на которые садились девочки, и только один оставался пустым. Сзади, вальяжно опираясь на спинки, выстраивались кавалеры. Кто оказался за свободным стулом старался незаметно подмигнуть однокласснице и переманить к себе. Задача же другого игрока – удержать всеми силами спутницу, остановить от опрометчивого решения. Иногда злишься, когда всматриваешься всеми силами в сторону общего фаворита, а он выбирает не тебя. Или тот, что сзади мелкий, но старается изо всех сил придержать. Вот уж верно: «А тот, кто нравится, тот не в меня влюблён...»

Стоило одному мальчику обратить внимание на популярную в классе девочку, как он становился предметом страсти всех остальных. На моей памяти таких общих любимцев в девчачьем стане было трое. В разное время каждый из них пользовался особым расположением. И только одному уда-

лось сохранить привлекательность на все школьные годы. От начальных классов до выпуска.

Рем – гремучая смесь армянской по отцу и грузинской по матери крови. Из-за него возникали недопонимания и обиды среди лучших друзей. Один раз мы не общались с Мариной К. всё лето, хотя жили рядом. Только в конце августа, в её день рождения, я сделала первый шаг к примирению. Столько благодарности в глазах подруги, я не видела никогда. Ей тоже тяжело далось вынужденное расставание. А помог мне понять и простить банальный подростковый прыщ, который высыпал на лбу мелкими, как наждачка бугорками. Мама повела меня к врачу, который отправил в вендиспансер к кожному. Белая, как разведённый мел, жидкость только подсушивала, а не решала проблему. Болтушку готовили фармацевты в аптеке. Очередной раз мы пришли заказать, и я подошла к витрине напротив с готовыми препаратами. Марина с детства мучилась кожными проблемами и пользовалась гормональным средством для облегчения зуда. Я часто видела у неё тюбик с этой мазью и уговорила маму купить и попробовать. Как я была счастлива, когда лоб очистился, на радостях плюнула на обиду, купила подарок и пошла на авось.

С Ремом мы жили в одном дворе, но на разных улицах. Выходя во двор, я часто взглядывала на его окна кухни и спальни. Вдруг он смотрит. По нему вздыхали и мои дворовые подружки, что учились в нашей школе на параллель

младше. Одна из них жила в доме Рема, но в другом подъезде, а вторая – в квартире напротив нашей. Я часто бывала в гостях у Лены. Трёхкомнатную квартиру дали её бабушке – военному в отставке. Бабушка, Любовь Михайловна, учитель русского и литературы на пенсии, занималась домашним хозяйством. Их дочь – Ада с мужем Витей работали инженерами. Они часто ездили в командировку в Москву и привозили своей единственной дочке импортные игрушки. С какой завистью и восхищением я смотрела на розового пупсика в блестящей красной сумке – переноске. Тогда только появилась мода на маленьких куколок. Его одежда, горшок, бутылочка – всё казалось таким настоящим.

За кожаной дверью я попадала в другую реальность – зажиточную и неторопливую. Мне нравилась добротная мебель в зале, крепкие стулья с красными кожаными сидениями. Книжные шкафы полные собраний сочинений классиков. Орехового оттенка сервант с хрустальными постояльцами – фужерами, рюмками и вазочками. Забыла какой формы был стол, но по ощущениям капитальный. Только теперь я понимаю, что Ленин дедушка, Константин Кузьмич, был не простым военным, судя по обстановке. Да и зять им попался на все руки мастер, хоть и деревенский. Пообтесался, выглядел, как Кен, рядом со своей городской женой. Иногда мама Лены называла меня на английский манер Кэт.

Из их богатой библиотеки я брала произведения классиков по школьной программе. Папа подпитывал моё увлече-

ние книгами ещё в начальных классах. Так я запоем поглощала истории про Шерлока Холмса и приключения Графа Монте-Кристо. В старших классах источником знаний стала соседская квартира. Искушение иметь частицу литературного богатства сделало своё чёрное дело. Я оставила себе «Как закалялась сталь» и томик стихов Маяковского в бордовом твёрдом переплёте. Заныканные экземпляры переехали с нами на новую квартиру. Но, когда папа повесил над столом книжные полки, я запихнула трофеи на самую верхнюю под потолком. И до сих пор, полвека спустя, стыжусь своей ошибки.

Ещё им провели стационарный телефон в квартиру, а это в те времена – показатель статусности или хороших связей. Думаю, и то, и другое у соседей напротив было. Например, в нашей семье телефон появился после получения изолированной квартиры. Вселенная позаботилась, потому что я вышла замуж и родила детей. Зато папа стоял в очереди на телефонизацию, когда мы жили в коммуналке целых 16 лет.

Обычно Рем приходил ко мне спросить задания, и я рассматривала это, как повод очаровать. Когда в старших классах на уроках труда учили кройке и шитью, я взялась переделывать под себя старые родительские вещи. Так у меня появились ярко-синий сарафан с юбкой-солнце и аппликацией по подолу из шёлкового пионерского галстука. Потом настала очередь папиных габардиновых брюк. Из них вышла прямая юбка с бретелями и металлическими пряжками. Рем,

как истинный представитель кавказской нации, умел делать комплименты. Обсыпал похвалами, от которых рот мой растягивался до ушей.

К хорошему привыкаешь быстро. Три года председательства так подогрели мои амбиции, что я пустила слезу при переизбрании. Совсем не хотелось расставаться с должностью. Только вступление в комсомол и обязанности старосты класса вернули в спокойное русло. Я старательно занялась графиком дежурств и организацией генеральных уборок. Работа для технарей, никаких попыток к сочинительству.

Сочинения на любую тему мне нравилось писать всегда. В начальных классах сочиняла с помощью советов мамы, а в средней школе вдохновляли учителя русского и литературы. Сначала розовощёкая темноволосая Валентина Васильевна, потом статная Тамара Андреевна. Она была из породы бело-розовых зефиров – рыжеволосых. Кожа нежная, в мелких веснушках. Когда Тамара А. волновалась или сердилась, то шея и щёки покрывались румянцем. Начинался он с пятен, когда среди урока в дверь кабинета просачивалась шкодливая мордашка Верки и просила на пирожок. С величием царицы она доставала из сумки гомонок, пальцами вынимала монету и несла дочери. Достоинство сквозило во всём – осанке крупной фигуры, пучке тонких волос на затылке.

Ученики звали её за глаза Тамара. Ещё до входа в класс она предупреждала о себе – чмокала пятками о босоножки с открытым задником. Одевалась не по моде, а по сезону.

Никакого покупного трикотажа, но всегда тщательно сшитые платья. Добротная шерстяная ткань в холода и летящий шёлк весной и ранней осенью.

Мы чувствовали себя на уроках литературы зрителями. Каждое обсуждение произведения превращалось в моноспектакль нашей учительницы. Гордости до небес, если получаешь от неё «отлично». Сидишь и растекаешься от удовольствия, когда перед одноклассниками зачитывают отрывки из твоего сочинения. Я благодарю судьбу, что в моей жизни с техническим уклоном случилась настоящая Филология.

Также фанатела от учителей иностранного языка. Одна – тёзка английской королевы – Елизавета по отчеству Николаевна. Худая и саркастичная, как настоящая англичанка, она всегда по делу вставляла русские поговорки. Невнимательному ученику едко замечала: «Со сливами проехали. Глухим за так давали». Другая – Тамара Георгиевна – молодая, интересная женщина в модных нарядах и париках с разными причёсками. Она вела в старших классах технический перевод и английскую литературу.

Из учителей мужчин запомнились двое: НВП-шник Иван Иванович и физрук Станислав Кириллович. Как будто снова сильные руки подхватывают меня ещё в воздухе. Воспоминания – отрывки из кинохроники: – Ну ты даёшь! – откуда-то глухо доносятся голоса. Голова плохо соображает. Вижу тревогу в глазах учителя даже через толстые стёкла его

очков. Только сейчас на матах чувствую, как горят ладони.

В школе мне нравились нормативы по лёгкой атлетике, которые сдавали на улице. Бег, прыжки в длину, метание. В зимнее время такая лафа кончалась. В зале начиналась гимнастика, опорные прыжки и лазание по каналу. Особенно, напрягало последнее. Слабые руки отказывались держать моё тело на весу, тем более, тянуть его вверх. Но комплекс отличницы и хорошая оценка превыше всего, поэтому решаюсь на подвиг. Канат об этом ещё не знает, висит, как удав, над грудой матов. Спокойно и важно смотрит вниз, где стоим мы, ученицы 7 класса, и наш физрук с журналом.

Когда слышу свою фамилию, взбираюсь на маты. Подхожу вплотную к толстенной верёвке, вспоминаю про ноги, которые мне в помощь. Дрожащими ладонями цепляюсь за канат, он не шелохнётся. Перехватываюсь раз-другой, беспорядочно перебираю ногами. Медленно продвигаюсь вверх. Дрожь уже в плечах, но не останавливаюсь. Ползу к цели под потолком. Кровь приливает к щекам от напряжения. Становится жарко, как в парилке. Наконец упираюсь взглядом в заветную железяку, на которой крепят канат, и победно смотрю вниз. Ликую вместе с сердцем, которое бешено отстукивает: «Как высоко забралась!» От радости ослабляю хватку и паю в свободном падении «звёздочкой». The end. Больше такого эксперимента над нервной системой учителя не делала до окончания школы.

В десятом классе записалась на подготовительные курсы

архитектуры инженерно- строительного института. Специально рисованию я нигде не училась, но получалось срисовывать с фотографий. Занятия проходили вечером, длились два часа. По темноте мне, трусихе по природе, было страшно возвращаться на Дар-гору. Ещё летом мы переехали в отдельную квартиру в новом районе Спартановка. Переходить в другую школу в выпускном классе не имело смысла. Мама Таня опрометчиво согласилась, чтобы я жила у неё.

Работая буфетчицей на офсетной фабрике, она снимала комнату в частном доме. Там же познакомилась с молодым мужчиной и вышла замуж. Моя тётя вошла невесткой в семью донских казаков. Тогда-то я узнала, что такое пить чай из блюдечка вприкуску. Ритуал чаепития был неспешный. Сначала сапогом раздували самовар. Щепки для разогрева кололи из веток вишни. В саду под деревом ставили маленький, стол для вазочек с вареньем, гранёных стаканов на блюдцах и чайными ложками. Вокруг расставляли табуреты для хозяев и гостей. Особенно мне нравилось самой щипчиками отламывать маленькие осколки от бесформенной сахарной тверди и чувствовать его медленное таяние во рту при каждом глотке из блюдца. Летом, в жару, в меня вмешался ни один ребристый стакан чая. Тогда я узнала и полюбила прозрачное цвета янтаря варенье из маленьких яблок – ранеток, под сенью которого мы и чаёвничали.

После замужества и рождения двух сыновей с маленькой разницей в возрасте мама Таня устроилась в трест зелёно-

го хозяйства. Место работы было рядом с домом – небольшой парк с памятником защитникам Царицына и Сталинграда. Она трудилась, как пчёлка, но платили немного, поэтому держала подсобное домашнее хозяйство. Куры и кролики соседствовали с хряками или пуховыми козами в разные годы.

Раздел дома и развод тётки с мужем случился после моего проживания. Тогда мы все вместе ели на кухне в новой части дома, строить которую сестре помогали старший и младший братья. Тут же в специальной яме стоял газовый котёл, который, нагревал воду для отопления. В яму тётя спускалась частенько в защитной брезентовой куртке, рукавицах и мотоциклетных очках, когда толкла молотком стекло для курнесушек.

Мама Таня пускала квартирантов: двух-трёх молодых девушек, которые приезжали из области учиться и работать. В это время жили две сестры. Каждое утро перед школой я прокрадывалась в их комнатушку, уносила с этажерки тушь для ресниц и спешила к трельяжу. Я так и не научилась виртуозно краситься, как соседка по коммуналке. После неумелых попыток тушь возвращала на место, а сама шла на трамвайную остановку, чтобы ехать в школу.

Однажды я не вернулась после занятий рисунком на Даргору, а пошла ночевать к однокласснице. Уговаривала свою совесть тем, что завтра сразу же поеду к тёте. Сейчас только осознаю, что поступила непорядочно со своей будущей

крёстной. Предупредить нельзя. Стационарные телефоны в частном секторе – большая редкость. На следующий день задержалась в школе почти до вечера. Чуть меньше суток не давала о себе знать.

Думала, чем оправдываться перед папой, когда он будет отчитывать за безалаберность. Боязнь родительского гнева вытеснила стыд перед мамой Таней за непростительный поступок. Поняла весь ужас неизвестности, когда сама стала мамой. Это был мой второй косяк по отношению к родному человеку. Первый произошёл летом, когда мы жили по старому адресу. Большой компанией родственников мы поехали на пляж. За нами увязался друг старшего сына мамы Тани. Тётя не разрешала ему идти, но он, как глухой, шёл сзади. Помню, что стояла на берегу, и не могла закричать о помощи. Язык словно приковали к нёбу. Когда соседского Валеру достали и не смогли откачать, маму Таню трясло от нервного потрясения.

Дома я скрыла от папы случившееся, ожидая громкий скандал. Не поехала на похороны, оставила маму Таню без поддержки. Правда всё равно вышла наружу и мне пришлось объяснять своё малодушие, вернее, предательство.

Курсы по архитектуре я так и не закончила. Страх победы и мечты о журналистике, актёрстве и о чём-то ещё. Поступала на одну специальность сантехнического факультета, чтобы с высокими баллами перевестись на вторую. А всё потому, что деканом факультета работал папа моей подруги по

школе, у которой я ночевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.